

## Классификация мер принуждения: от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения

**Аннотация.** Достижение назначения уголовного судопроизводства немыслимо без принуждения, существенно ограничивающего права и свободы человека, в том числе и конституционные, а потому оно допустимо исключительно при наличии оснований и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Основания, условия и порядок применения мер принуждения в уголовном процессе во многом зависят от правильной систематизации уголовно-процессуального законодательства, которая может являться основанием для систематического толкования текста закона. Объединение иных мер процессуального принуждения в гл. 14 УПК РФ не имеет ясных критериев, что чревато ошибочным применением процессуального принуждения к участникам уголовного судопроизводства. Целью статьи является оценка направлений возможного совершенствования законодательства в части систематизации мер процессуального принуждения. Меры процессуального принуждения должны быть структурированы и систематизированы в УПК РФ по ясным и однородным основаниям, включая принудительные меры, которые не являются мерами пресечения. В настоящее время таких оснований применительно к иным мерам процессуального принуждения, объединенным в гл. 14 УПК РФ, не усматривается, что препятствует их обоснованному применению. Содержание гл. 14 УПК РФ должно быть пересмотрено с учетом логико-юридических связей. В результате исследования, проведенного автором, выработаны идеи о логических связях как об одном из главных оснований классификации норм, регламентирующих применение процессуального принуждения, влияющих на его законность и обоснованность.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство; правоприменение; уголовно-процессуальное принуждение; система; классификация; меры процессуального принуждения; цели и основания применения мер процессуального принуждения; задержание; меры пресечения; иные меры процессуального принуждения.

**Для цитирования:** Манджиева Е. В. Классификация мер принуждения: от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 154—165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.154-165.

---

© Манджиева Е. В., 2020

\* Манджиева Елена Валериевна, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России  
Зои и Александра Космодемьянских ул., д. 8, г. Москва, Россия, 125171  
manjievaaelena@yandex.ru

## Classification of Measures of Restriction: From a “Mixed” Criterion to a Connection with the Object of Restriction

**Elena V. Mandzhieva**, Adjunct of the Faculty of Scientific and Academic Staff Training of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation  
ul. Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh, d. 8, Moscow, 125171  
manjjevaalena@yandex.ru

**Abstract.** Achieving the aims of criminal proceedings is impossible without coercion, which significantly restricts human rights and freedoms, including constitutional ones, and, therefore, it is permissible only if there are grounds and in the manner prescribed by the criminal procedure legislation. The grounds, conditions and procedure for applying measures of restriction in criminal proceedings largely depend on the correct systematization of criminal procedure legislation, which may be the basis for a systematic interpretation of the text of the law. Combining other measures of procedural coercion in Ch. 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not have clear criteria, which is fraught with the erroneous use of procedural coercion against participants in criminal proceedings. The purpose of the paper is to assess the directions of possible improvement of the legislation regarding the systematization of procedural coercion measures. Measures of procedural coercion should be structured and systematized in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on clear and uniform grounds, including coercive measures, which are not measures of restriction. Currently, there are no such grounds in relation to other measures of procedural coercion, united in Ch. 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which impedes their reasonable application. The contents of Ch. 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be revised taking into account logical and legal ties. As a result of the research the author developed the ideas on logical connections as one of the main bases for the classification of the norms governing the use of procedural coercion, affecting its legality and validity.

**Keywords:** criminal proceedings; law enforcement; criminal procedural coercion; system; classification; enforcement measures; goals and grounds for the application of procedural coercive measures; detention; measures of restriction; other measures of procedural coercion.

**Cite as:** Mandzhieva EV. Klassifikatsiya mer prinuzhdeniya: ot «smeshannogo» kriteriya k svyazi s obektom obespecheniya [Classification of measures of restriction: From a “mixed” criterion to a connection with the object of restriction]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(3):154-165. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.154-165. (In Russ., abstract in Eng.).

Уголовно-процессуальное принуждение — неотъемлемая характеристика уголовного судопроизводства. Однако не потому, что все уголовно-процессуальные правоотношения сопровождаются элементами принуждения, а ввиду незаменимости использования принудительных средств как резервного способа решения задач уголовного процесса в ситуациях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей.

Принуждение в уголовном процессе выражается в самых разнообразных формах и в широком смысле представляет собой не только воздействие на так называемых «невластных» участников судопроизводства, но и принужде-

ние к определенным действиям должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, других должностных лиц, наделенных полномочиями процессуального контроля (ведомственного или судебного) или прокурорского надзора.

Вместе с тем этот вид процессуального принуждения имеет характерные особенности, не сопряженные со спецификой гарантий, применяемых для обеспечения его законности, обоснованности и справедливости, в той мере, в которой они применяются в случае принудительного воздействия на участников уголовного судопроизводства, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса по воле должностных лиц, его осуществляющих.

Классификация принудительных средств в уголовном процессе<sup>1</sup> между тем имеет значение, которое трудно переоценить. Проведенная по строгому критерию, в понятных целях, она не только позволяет ясно представлять особенности элементов, составляющих каждую классификационную группу, но и правильно ориентирует правоприменителя относительно цели, оснований применения средств принудительного характера, возможности их сочетания, а также участников судопроизводства, им подвергаемых.

Классификация — это «распределение по группам, разрядам, классам»<sup>2</sup>, однако не произвольное, а, как отмечал Ф. Энгельс, согласно внутренне присущей классифицируемым явлениям последовательности, в основе которой должны лежать естественные объективные связи и различия классифицируемых предметов и явлений<sup>3</sup>. Обратим внимание на ключевые слова: «естественные объективные связи» и «различия классифицируемых предметов и явлений». Классификация явлений, пусть даже в учебных целях, не говоря уже о законодательных, имеет смысл, только если она способствует уяснению сложного многоэлементного явления, отличается строгостью и не страдает весьма распространенным пороком — смешением различных критериев для разных классификационных групп в рамках одной классификации.

С учетом соблюдения этих требований классификация средств принудительного характе-

ра в уголовном процессе могла бы позволить, охватив одновременно все изучаемые объекты, установить не только место каждого из них в системе, но и связь их друг с другом, а также раскрыть их внутренние закономерности<sup>4</sup>.

К сожалению, приходится констатировать, что многочисленные и продолжающие множиться теоретические классификации элементов процессуального принуждения в уголовном процессе грешат игнорированием изложенных выше требований к систематизации элементов по группам. Возможно, недостатки теоретических воззрений на классификацию принудительных уголовно-процессуальных средств и обусловили позицию законодателя, классификация которого, нашедшая отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, основана на совершенно невнятных критериях и проведена с неясными целями.

Справедливости ради нельзя не отметить, что законодатель впервые комплексно<sup>5</sup> (надо полагать, пытаясь создать исчерпывающий перечень мер принуждения), в отдельном разделе УПК РФ (разд. IV «Меры процессуального принуждения») достаточно детально урегулировал основания и порядок применения отдельных мер принуждения. Указанный раздел состоит из трех глав: «Задержание» (гл. 12), «Меры пресечения» (гл. 13) и «Иные меры процессуального принуждения» (гл. 14).

Законодательная классификация имеет массу очевидных недостатков. Прежде всего, неясно,

<sup>1</sup> Употребляя термин «принудительные средства», автор исходит из распространенной точки зрения, согласно которой принуждение при производстве следственных действий нельзя считать мерами процессуального принуждения, на которую, судя по всему, в действующем УПК РФ ориентировался и законодатель, не включив в гл. 12—14 УПК РФ следственные действия принудительного характера.

<sup>2</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 276.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 20. С. 564—565.

<sup>4</sup> Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 22—23.

<sup>5</sup> Например: Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1978. С. 29; Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Свердловск, 1961. С. 9—10; Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 79; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М., 1965. С. 256; Капинус Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. 2001. № 8. С. 21—40; Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2001. С. 176.

по какому критерию она проведена: очевидно, что ни по цели мер принуждения; ни по участникам, к которым возможно их применение; ни по уровню принудительности; ни по степени ограничения прав человека. Сущность мер принуждения тоже не стала таким критерием: законодательная классификация не позволяет разграничить пресекательные и предупредительные меры, а также меры ответственности.

Очевидно одно: меры пресечения выделены в самостоятельную главу лишь в силу законодательной и доктринальной традиции. Однако почему отдельная глава посвящена именно задержанию, а не, например, наложению ареста на имущество, временному отстранению от должности или денежному взысканию (единственно ярко выраженной мере процессуальной ответственности), далеко неясно.

Полагаем, принципиально ошибочен подход законодателя к наименованию и содержанию гл. 14 УПК РФ. Прежде всего, определение их как «иных» мер принуждения дает основание предположить о некой их «второсортности». Должны быть серьезные основания для законодательного решения, согласно которому временное отстранение от должности или наложение ареста на имущество по отношению, например, к личному поручительству являются некими «иными» мерами принуждения. Остается открытым вопрос и об идее, объединяющей меры принуждения, поименованные как «иные». Иные — это разные и не имеющие объединяющего начала? Либо таковое есть, но законодатель не посчитал нужным его обозначить?

Надо ли говорить, что недостатки классификации повлекли и явную «слабость» законодательных формулировок конкретных статей УПК РФ, что отрицательно сказывается на правоприменительной практике. В частности, в ст. 111 УПК РФ, вопреки ее наименованию, ничего не сказано об основаниях применения иных мер процессуального принуждения, а делается попытка разъяснить цели применения «иных» мер принуждения, да и то относящиеся далеко не

ко всем мерам, предусмотренным главой 14 УПК РФ. В результате правоприменителю весьма затруднительно решить, можно ли, например, применять временное отстранение от должности по основаниям, предусмотренным для мер пресечения; можно ли подвергнуть приводу эксперта и специалиста? Применяется ли привод для производства любых процессуальных действий или только следственных?

Остается открытым вопрос о статусе принудительных средств, которые не включены в гл. 12—14 УПК РФ. Допустимо ли получить образцы для сравнительного исследования не только для назначения судебной экспертизы (с нормами о производстве которой технически связана ст. 202 УПК РФ), но, например, для получения заключения специалиста? Почему эксгумация связана только с осмотром, хотя извлечение трупа из места захоронения вполне может потребоваться и в целях назначения судебной экспертизы, предъявления трупа для опознания? Примеры вопросов, актуальных для правоприменения, можно продолжать.

На какие же теоретические воззрения опирался законодатель, классифицируя меры принуждения подобным образом?

Недостатка в таковых, как отмечалось выше, нет<sup>6</sup>.

Еще в 1910 г. И. Я. Фойницкий писал о том, что уголовный процесс на разных ступенях своих встречается с необходимостью для потребностей правосудия принуждения, меры которого, «смотря по цели или назначению их», распадутся: 1) на меры получения доказательств; 2) меры обеспечения явки подсудимого; 3) допрос подсудимого; 4) меры обеспечения судебного разбора<sup>7</sup>.

Как видно, меры принуждения ясно разделены И. Я. Фойницким по целям, причем не абстрактным, а конкретным: они связаны с другими процессуальными действиями, которые этими принудительными мерами обеспечиваются. В целом на таком подходе была выстроена и система мер принуждения в Уставе уголовного судопро-

<sup>6</sup> См. об этом, например: Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003. С. 20.

<sup>7</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 313—314 (репринтное воспроизведение издания 1910 г.).

изводства 1864 г., который регламентировал основания, условия и порядок задержания (ст. 256, 257 отделения первого «Участие полиции в производстве предварительного следствия» и ст. 430 главы шестой «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия») и применения мер пресечения (ст. 77 отделения третьего «Отсрочка разбирательства и меры к пресечению способов уклоняться от суда», ст. 416—419 главы шестой «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия»), при этом законодательно закреплял привод (ст. 388—397 главы пятой «О представлении обвиняемого к следствию и допросе его» отделения первого «Призыв или привод обвиняемого к следствию», ст. 398—402 отделения второго «Допрос обвиняемого»), отстранение от должности (ст. 1100 главы второй «О предании суду»), наложение ареста на имущество (ст. 268 отделения второго «Существо обязанностей и степень власти судебных следователей») и денежное взыскание (ст. 69 отделения второго «Вызов сторон и свидетелей», ст. 438 главы седьмой «О вызове и допросе свидетелей»). Заметим, что И. Я. Фойницкий к мерам принуждения относил и допрос обвиняемого, т.е. следственное действие в современном его понимании, видимо усматривая принуждение не в самом допросе, а в мерах по его обеспечению, что для наших дальнейших рассуждений принципиально важно.

Советские уголовно-процессуальные кодексы сохраняли традицию выделения мер пресечения в отдельный структурный элемент, однако другие меры принуждения все же увязывали с «объектами», обеспечиваемыми конкретными принудительными мерами: каждая мера процессуального принуждения важна не сама по себе как принудительное средство, а как способ обеспечить определенные процессуальные действия и решения.

УПК РСФСР 1960 г., в частности, достаточно детально регламентировал такие меры принуждения, как: обязательство о явке (ч. 4 ст. 89 гл. 6 «Меры пресечения»), привод (ст. 73, 75, ст. 82 гл. 5 «Доказательства», ст. 147 гл. 11 «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого»), отстранение от должности (ст. 153 гл. 11), наложение ареста на имущество (ст. 175 гл. 14 «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество») и денежное взыскание (ст. 57 гл. 3 «Участники процесса», ст. 73 гл. 5, ст. 94 гл. 6, ст. 133.1 гл. 10 «Общие условия производства предварительного следствия», ст. 323 гл. 26 «Производство по наложению денежных взысканий»).

Логические связи здесь очевидны: наложение ареста на имущество — с выемкой и обыском (видимо, в связи с возможностью принудительного изъятия объектов); денежное взыскание — с общими условиями производства предварительного следствия и участниками уголовного судопроизводства; привод — с получением доказательств; обязательство о явке — с мерами пресечения.

Во второй половине XX в. — «золотом веке» исследования проблем процессуального принуждения — учеными предлагались самые разнообразные классификации мер процессуального принуждения. Заметим, именно в это время ряд мер принуждения на доктринальном уровне впервые были отнесены к «прочим»<sup>8</sup>.

В 2003 г. Е. Г. Васильевой были достаточно полно обобщены доктринальные классификации, нашедшие отражение в юридической литературе как советского, так и российского периодов<sup>9</sup>. Наиболее распространенной стала классификация **по целям применения**.

1-я группа — меры, гарантирующие собирание доказательств, наличие которой признают: И. Л. Петрухин<sup>10</sup>, В. А. Михайлов<sup>11</sup>, З. З. Зиннатуллин<sup>12</sup>, Н. А. Громов<sup>13</sup>, А. П. Рыжаков<sup>14</sup>,

<sup>8</sup> Лившиц Ю. Д. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. С. 6.

<sup>9</sup> Васильева Е. Г. Указ. соч. С. 20—27.

<sup>10</sup> Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 3.

<sup>11</sup> Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 9—10.

<sup>12</sup> Зиннатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 12—13.

<sup>13</sup> Громов Н. А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 184—185.

М. А. Чельцов<sup>15</sup>, П. М. Давыдов<sup>16</sup>, Ю. Д. Лившиц<sup>17</sup>, В. М. Корнуков<sup>18</sup>, А. И. Трусков<sup>19</sup>. В данной группе объединены такие меры, как обыск, выемка, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, помещение обвиняемого, подозреваемого в медицинское учреждение, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, контроль и запись телефонных и иных переговоров. З. Ф. Коврига, называя указанные меры «мерами обеспечения», дополняет их также наложением ареста на имущество<sup>20</sup>.

2-я группа — меры, служащие для устранения возникших или могущих возникнуть препятствий в ходе осуществления уголовного судопроизводства (В. М. Корнуков, З. Ф. Коврига), куда включены все меры пресечения, задержание, привод, отобрание обязательства о явке, отобрание обязательства о неразглашении данных предварительного следствия и которые являются превентивными (предупреждающими) мерами.

При этом некоторые ученые (И. Л. Петрухин, В. И. Михайлов, Н. А. Громов, Ю. Д. Лившиц) считают необходимым обособить меры, призванные предотвращать совершение преступлений (меры пресечения) в отдельную группу. М. А. Чельцов выделил в отдельную группу меры принуждения по другому критерию — обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия.

3-я группа — мера, служащая обеспечением в части имущественных взысканий — наложение ареста на имущество (выделяется И. Л. Петрухиным, В. А. Михайловым, Н. А. Громовым, П. М. Давыдовым, А. И. Трусковым).

В правовой литературе встречается деление мер принуждения и на иные группы, такие как: меры защиты (А. П. Рыжаков), меры, связанные с необходимостью доставления лиц в следственные и судебные органы (Н. А. Громов, П. М. Давыдов, А. И. Трусков), меры, обеспечивающие порядок судебного разбирательства (М. А. Чельцов, П. М. Давыдов, Ю. Д. Лившиц) и др., но поскольку предложенная выше классификация охватывает эти меры, то выделение их обособленными группами представляется нецелесообразным.

**По последствиям применения мер** собственно уголовно-процессуальное принуждение классифицируется учеными следующими способами:

- а) меры, ограничивающие право на свободу и неприкосновенность личности;
- б) меры, ограничивающие право неприкосновенности жилища и права личной собственности;
- в) меры, ограничивающие право на тайну переписки;
- г) меры, связанные с притеснением и ущемлением иных прав и интересов личности (З. Д. Еникеев<sup>21</sup>).

Либо:

- а) личные ограничения;
- б) ограничения имущественного характера;
- в) организационные ограничения (З. Ф. Коврига<sup>22</sup>).

Из приведенных выше мнений обращает на себя внимание классификация З. Ф. Ковриги, которая разделила меры процессуального принуждения всего на две группы — **по целям применения**:

- 1) средства пресечения (меры пресечения, отобрание обязательства о явке, задержание,

<sup>14</sup> Рыжаков А. П. Меры пресечения. М., 1997. С. 5.

<sup>15</sup> Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 221.

<sup>16</sup> Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953. С. 4.

<sup>17</sup> Лившиц Ю. Д. Указ. соч. С. 5—6.

<sup>18</sup> Корнуков В. М. Указ. соч. С. 25.

<sup>19</sup> Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. С. 176.

<sup>20</sup> Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 16—17.

<sup>21</sup> Еникеев З. Д. Указ. соч. С. 29.

<sup>22</sup> Коврига З. Ф. Указ. соч. С. 21.

привод, розыск, этапирование, отстранение обвиняемого от должности, меры, принимаемые к нарушителям порядка в судебном заседании);

- 2) средства обеспечения (обыск, выемка, помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение, наложение ареста на имущество)<sup>23</sup>.

Заметим, что все вышеприведенные классификации допускают смешение элементов классификационных групп и потому не могут считаться безупречными. Например, меры, служащие для устранения возникших или могущих возникнуть препятствий в ходе осуществления уголовного судопроизводства, вполне могут быть мерами, служащими собиранию доказательств. Ограничения же имущественного характера неизбежно являются мерами организационной природы. Даже ясная классификация, предложенная З. Ф. Ковригой, — по целям применения — может вызывать споры: отобрание обязательства о явке, меры пресечения вполне могут применяться как меры обеспечения.

Уже после принятия действующего УПК РФ и по настоящее время, несмотря на принятую законодателем классификацию мер принуждения на основе их нормативного группирования, споры между учеными-процессуалистами в части классификации мер принуждения не стихают. При этом необходимо отметить, что выделить объективные критерии формирования этой системы сложно<sup>24</sup> и до настоящего времени не удалось.

О. Н. Цоколова считает, что таким критерием должен стать **признак принудительной изоляции обвиняемого, подозреваемого**, на основании чего автор выделяет три группы:

- 1) меры принуждения, состоящие в принудительной изоляции подозреваемых и обвиняемых;
- 2) меры пресечения, не связанные с изоляцией;
- 3) иные меры процессуального принуждения<sup>25</sup>.

Как видно, и здесь не удалось избежать аморфного именованья ряда мер принуждения «иными», что не способствует правильному пониманию их сути, места в системе принудительных средств, целей, оснований, а следовательно, и законному применению.

В одной из последних работ, посвященных государственному принуждению, С. И. Вершинина критически оценила содержание и структуру УПК РФ и предложила модернизировать разд. IV «Меры процессуального принуждения» с учетом особенностей процессуальных статусов участников.

В первую часть ею включены меры принуждения, **применяемые к обвиняемым и подозреваемым**:

- превентивные меры принуждения, применяемые ко всем обвиняемым, подозреваемым:
- 1) меры психологического воздействия: обязательство о явке, подписка о невыезде (обязательство о надлежащем поведении);
- 2) меры имущественного воздействия: имущественное поручительство, залог;
- 3) меры физического воздействия: домашний арест, заключение под стражу;
- превентивные меры принуждения, применяемые к отдельным обвиняемым, подозреваемым:
- 1) к несовершеннолетним — присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- 2) к военнослужащим — наблюдение командования воинской части;
- 3) к должностным лицам — временное отстранение от должности;
- меры принуждения, направленные на прекращение ненадлежащего поведения:
- 1) привод;
- 2) задержание;
- 3) предупреждение;
- 4) удаление из зала судебного заседания;
- 5) изменение меры пресечения;
- меры принуждения, обеспечивающие возмещение ущерба:

<sup>23</sup> Коврига З. Ф. Указ. соч. С. 30—80.

<sup>24</sup> Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 96.

<sup>25</sup> Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 11.

- 1) наложение ареста на имущество;
- 2) взыскание процессуальных издержек.

Во вторую часть включены меры принуждения, **применяемые к иным участникам судопроизводства**: меры принуждения, направленные на прекращение противоправного поведения: 1) привод; 2) предупреждение; 3) удаление из зала судебного заседания; 4) физическое пресечение противоправного поведения; меры процессуальной ответственности: денежное взыскание<sup>26</sup>.

Вряд ли столь сложная и громоздкая классификация может иметь выраженный практический смысл, тем более что в ней слишком жестко и без достаточных оснований разграничиваются меры пресекательные и предупредительные.

Е. Г. Васильева, например, различает две группы, которые составляют систему мер уголовно-процессуального принуждения:

- 1) меры обязательного принуждения, в каждом случае применения которых обязательно присутствует принуждение (задержание, меры пресечения, привод и меры уголовно-процессуальной ответственности);
- 2) меры возможного принуждения, в которых принуждение заложено лишь потенциально (следственные действия, для которых предусмотрен принудительный порядок осуществления, отобрание соответствующих подписок и предупреждение об ответственности)<sup>27</sup>.

Безоговорочно с такой классификацией согласиться сложно. Меры принуждения и из первой и второй групп могут как применяться, так и не применяться в каждом конкретном случае.

Полагаем, что любое средство принудительного характера, предусмотренное УПК РФ, прежде всего основано на психологическом характере воздействия на участника уголовного процесса. Сама возможность применения принудительного средства стимулирует к законопо-

слушному поведению, способствует убеждению в единственной правильности именно добровольного законного поведения.

В этом смысле все принудительные средства, заложенные в УПК РФ, являются «потенциально принудительными». В то же время, будучи реализованными, они становятся «реально принудительными». В ряде случаев «потенциально принудительные меры» так и не становятся «реально принудительными», если оснований для их применения не возникает. В то же время некоторые «потенциально принудительные меры» становятся «реально принудительными» даже при законопослушном поведении участника уголовного судопроизводства, что характерно для превентивных мер, например мер пресечения. «Реальная принудительная мера» остается таковой даже в случае, если участник судопроизводства не имеет стремления ей не подчиниться. Так, обвиняемый (подозреваемый), к которому применена мера пресечения, даже при добровольном следовании связанным с ней ограничениям находится под ее реальным действием. Такая классификация применима к обеим группам, выделяемым Е. Г. Васильевой.

Полагаем, именно такой классификацией должен быть решен давно дискутируемый вопрос о том, можно ли считать принуждением действие, совершаемое участником судопроизводства добровольно и лишь гарантируемое возможным принуждением<sup>28</sup>.

Итак, реальное применение нормы, возникновение соответствующего правоотношения является принуждением, вне зависимости от того, каково субъективное отношение лица к необходимости выполнять определенную обязанность.

Вряд ли следует исключать из числа мер процессуального принуждения и те принудительные средства, которые могут сопровождать производство некоторых следственных действий. Подчеркнем, что в ряде работ следственные

<sup>26</sup> Вершинина С. И. Указ. соч. С. 410—411.

<sup>27</sup> Васильева Е. Г. Указ. соч. С. 23.

<sup>28</sup> Братусь Н. С. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 27; Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 81; Петрухин И. Л. Природа уголовно-процессуального принуждения // Суд и применение закона. М., 1982. С. 737; Элькин Л. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 88; Корнуков В. М. Указ. соч. С. 18.

действия, производство которых может сопровождаться принуждением, не относятся автоматически к мерам принуждения, поскольку лишь сопутствуют решению задач конкретного следственного действия<sup>29</sup>.

Однако принуждение при производстве следственных действий вполне может остаться на уровне потенциального, т.е. не приобретет форму конкретных правоотношений. Следовательно, правоотношения при преобразовании потенциального принуждения в реальное имеют вполне самостоятельный характер, т.е. по отношению к следственному действию носят обеспечительный характер и не являются его неотъемлемым содержанием. Отсюда следует вывод, что принуждение возможное или применяемое при производстве следственных действий — самостоятельные принудительные меры, а никак не часть следственного действия. В конечном счете так ли принципиально различаются привод для производства допроса и принудительное вскрытие помещения в ходе производства обыска?

Тем не менее надо отметить, что не все ученые-процессуалисты считают представленную в законе систему мер принуждения совершенной. Например, Б. Б. Булатов, доказывая обоснованность имеющейся системы, указывает на тот факт, что разместить в одном разделе максимальное число предусмотренных законом процессуальных средств, обладающих свойством принудительности, невозможно по двум объективным причинам, первая из которых связана с конструктивными, а вторая — с содержательными особенностями мер процессуального принуждения<sup>30</sup>.

Однако нами и не ставится вопрос о максимально возможном размещении в рамках одного раздела всех уголовно-процессуальных норм, регламентирующих применение принудитель-

ных средств. Речь о том, чтобы их классификацию можно было использовать для адекватного толкования положений УПК РФ в части целей, оснований и условий применения мер процессуального принуждения.

Отправной позицией для классификации мер принуждения должен стать посыл, согласно которому принудительные средства всегда являются самостоятельными мерами, которые могут остаться «потенциально принудительными» либо приобрести характер «реально принудительных». Это правило действует как для мер принуждения, предусмотренных в гл. 12—14 УПК РФ, так и для тех, которые в них не указаны (принуждение при производстве следственных действий, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования и др.). Соответственно, их самостоятельный характер позволяет определять их место в системе норм уголовно-процессуального законодательства с учетом различных системных связей. В их числе основной, на наш взгляд, должна стать связь между мерой принуждения и процессуальным действием (комплексом процессуальных действий), которое ею обеспечивается. Такой подход позволит использовать место норм, регламентирующих применение конкретной меры принуждения, среди иных процессуальных норм и институтов для адекватного толкования ее целей, оснований, участников, в отношении которых она применяется, т.е. в целом для обеспечения законности процессуального принуждения. Не исключается размещение ряда норм, предусматривающих принуждение, в главах, посвященных принципам, общим условиям предварительного расследования, судебного разбирательства, либо в нормах об общих правилах производства следственных действий или в системе отдельных процессуальных институтов (например,

<sup>29</sup> Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 37 ; Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 19 ; Булатов Б. Б., Николук В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003. С. 17 ; Ефремова С. В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 8.

<sup>30</sup> Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 42—43.

привлечение в качестве обвиняемого и допрос обвиняемого и т.д.).

Традиционно отдельной главой, вероятно, должны быть урегулированы меры пресечения. Возможно выделение в разд. IV УПК РФ и иных глав, однако содержащих меры процессуального принуждения, имеющих важные общие характеристики и значение для всего уголовного судопроизводства (общие правила применения

процессуального принуждения, меры уголовно-процессуальной ответственности и др.).

Вектор систематизации средств принудительного характера в УПК РФ необходимо пересматривать, учитывая, что их классификация важна не сама по себе, а как средство адекватного толкования процессуальных норм в целях законного и обоснованного применения принуждения в уголовном судопроизводстве.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь Н. С. Юридическая ответственность и законность. — М., 1976. — 216 с.
2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. — Омск, 2003. — 320 с.
3. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). — М., 2003. — 180 с.
4. Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. — Уфа, 2003. — 136 с.
5. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — Тольятти, 2017. — 417 с.
6. Громов Н. А. Уголовный процесс России. — М., 1998. — 552 с.
7. Давыдов П. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1953. — 35 с.
8. Давыдов П. М., Якимов П. П. Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — Свердловск, 1961. — 117 с.
9. Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. — Уфа, 1978. — 72 с.
10. Ефремова С. В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2004. — 182 с.
11. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. — М., 1965. — 367 с.
12. Зиннатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. — Казань, 1981. — 135 с.
13. Капинус Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. — 2001. — № 8. — С. 21—40.
14. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 547 с.
15. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. — Воронеж, 1975. — 175 с.
16. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. — Саратов, 1978. — 136 с.
17. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. — М., 1981. — 240 с.
18. Лившиц Ю. Д. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1958. — 18 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. — М., 1961. — Т. 20. — 827 с.
20. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. — М., 1996. — 304 с.
21. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2006. — 944 с.
22. Петрухин И. Л. Природа уголовно-процессуального принуждения // Суд и применение закона. — М., 1982. — С. 63—737.
23. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. — М., 1985. — 238 с.

24. Писарев А. В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2002. — 23 с.
25. Рыжаков А. П. Меры пресечения. — М., 1997. — 176 с.
26. Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. — М., 2001. — 608 с.
27. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. — СПб., 1996. — Т. 2. — 607 с. (Репринтное воспроизведение издания 1910 г.).
28. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 417 с.
29. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. — М., 1951. — 511 с.
30. Элькин Л. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л., 1976. — 143 с.
31. Элькин Л. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Л., 1963. — 171 с.

*Материал поступил в редакцию 26 июля 2019 г.*

#### REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bratus' N. S. Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost'. — M., 1976. — 216 s.
2. Bulatov B. B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v уголовном судопроизводстве. — Омск, 2003. — 320 s.
3. Bulatov B. B., Nikol'yuk V. V. Mery уголовно-processual'nogo prinuzhdeniya (po glave 14 UPK Rossii). — M., 2003. — 180 s.
4. Vasil'eva E. G. Mery уголовно-processual'nogo prinuzhdeniya. — Ufa, 2003. — 136 s.
5. Vershinina S. I. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v уголовном судопроизводстве: normativno-pravovaya priroda i mekhanizm funkcionirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tol'yatti, 2017. — 417 s.
6. Gromov N. A. Uголовnyj process Rossii. — M., 1998. — 552 s.
7. Davydov P. M. Mery presecheniya v sovetskom уголовном processe : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — L., 1953. — 35 s.
8. Davydov P. M., Yakimov P. P. Primenenie mer processual'nogo prinuzhdeniya po Osnovam уголовного судопроизводства Soyuzа SSR i soyuznyh respublik. — Sverdlovsk, 1961. — 117 s.
9. Enikeev Z. D. Mery processual'nogo prinuzhdeniya v sisteme sredstv obespecheniya obvineniya i zashchity. — Ufa, 1978. — 72 s.
10. Efremova S. V. Obosnovannost' sledstvennyh dejstvij kak garantiya prav i svobod uchastnikov processа : dis. ... kand. yurid. nauk. — Samara, 2004. — 182 s.
11. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. Predvaritel'noe sledstvie. — M., 1965. — 367 s.
12. Zinnatullin Z. Z. Uголовно-processual'noe prinuzhdenie i ego effektivnost'. — Kazan', 1981. — 135 s.
13. Kapinus N. I. Mery presecheniya v rossijskom уголовном processe // Sledovatel'. — 2001. — № 8. — S. 21— 40.
14. Kapinus N. I. Processual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v уголовном processe : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2001. — 547 s.
15. Kovriga Z. F. Uголовно-processual'noe prinuzhdenie. — Voronezh, 1975. — 175 s.
16. Kornukov V. M. Mery processual'nogo prinuzhdeniya v уголовном судопроизводстве. — Saratov, 1978. — 136 s.
17. Lejst O. E. Sankcii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu. — M., 1981. — 240 s.
18. Livshic Yu. D. Mery processual'nogo prinuzhdeniya v уголовном processe : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1958. — 18 s.
19. Marks K., Engel's F. Polnoe sobranie sochinenij. — M., 1961. — T. 20. — 827 s.
20. Mihajlov V. A. Mery presecheniya v rossijskom уголовном processe. — M., 1996. — 304 s.
21. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. — M., 2006. — 944 s.

22. Petruhin I. L. Priroda ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya // Sud i primeneniye zakona. — M., 1982. — S. 63—737.
23. Petruhin I. L. Svoboda lichnosti i ugolovno-processual'noe prinuzhdenie. — M., 1985. — 238 s.
24. Pisarev A. V. Proizvodstvo sledstvennyh dejstvij, ogranichivayushchih pravo grazhdan na lichnuyu neprikosновенность : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2002. — 23 s.
25. Ryzhakov A. P. Mery presecheniya. — M., 1997. — 176 s.
26. Ugolovnyj process / pod red. K. F. Gucenko. — M., 2001. — 608 s.
27. Fojnickij I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva : v 2 t. — SPb., 1996. — T. 2. — 607 s. (Reprintnoe vosпроизvedenie izdaniya 1910 g.).
28. Cokolova O. I. Teoriya i praktika zaderzhaniya, aresta i sodержaniya pod strazhej v ugolovnom processe : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2007. — 417 s.
29. Chel'cov M. A. Sovetskij ugolovnyj process. — M., 1951. — 511 s.
30. El'kind L. S. Celi i sredstva ih dostizheniya v sovetskom ugolovno-processual'nom prave. — L., 1976. — 143 s.
31. El'kind P. S. Sushchnost' sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava. — L., 1963. — 171 s.